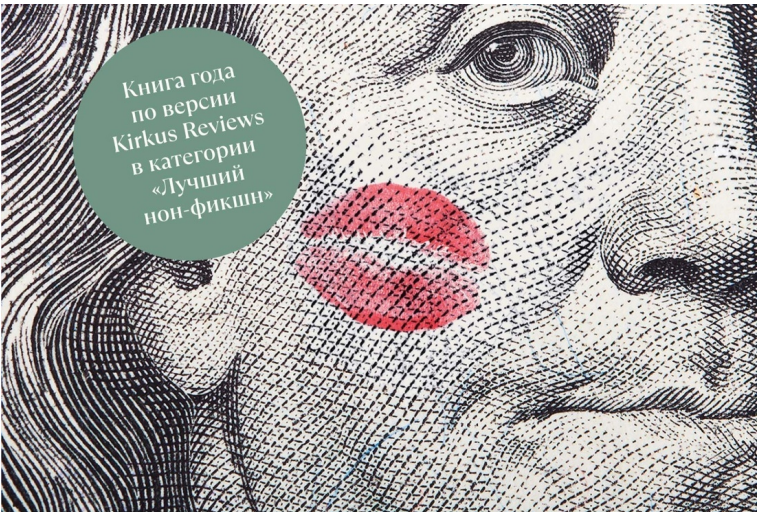

Книга года
по версии
Kirkus Reviews
в категории
«Лучший
нон-фикшн»

ВОЛЧИЦЫ С УОЛЛ-СТРИТ

Нерассказанная история женщин,
которые хотели зарабатывать
очень много денег

18+

ПАУЛИНА БРЕН

Паулина Брен

Волчицы с Уолл-стрит

Серия «Города и люди»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74348256

*Волчицы с Уолл-стрит. Нерассказанная история женщин, которые хотели зарабатывать очень много денег: КоЛибри, Издательство АЗБУКА; Москва; 2026
ISBN 978-5-389-34415-0*

Аннотация

Книга историка Паулины Брен – это взгляд на Уолл-стрит с непарадного входа. С 1960-х годов и вплоть до 11 сентября 2001-го биржевой мир оставался цитаделью мужской власти, где с женщинами не церемонились.

Брен рассказывает, как поколение за поколением – от бруклинских секретарш до выпускниц Гарвардской школы бизнеса – женщины пытались пробиться туда, где крутятся большие деньги. Это хроника упорства, изобретательности и отрезвляюще скромных результатов. «Волчицы с Уолл-стрит» – документ эпохи, трезвый и захватывающий рассказ о столкновении женщин, финансов и Нью-Йорка.

В книге упоминаются социальные сети Instagram (Инстаграм) и Facebook (Фэйсбук). Деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по

реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram – запрещена на территории Российской Федерации.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Паулина Брен

Волчицы с Уолл-стрит

Paulina Bren

She-Wolves: The Untold History of Women on Wall Street

© 2024 by Paulina Bren

© Логинова А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-КА», 2026 КоЛибри®

* * *

Пролог

Прежде чем судить о том, что представляет собой Уолл-стрит сегодня, нужно понять, какой она была раньше. Той Уолл-стрит, которую застали героини книги, давным-давно нет. Тогда Нью-Йоркская фондовая биржа (New York Stock Exchange, NYSE) еще была полна брокерами, клерками и посыльными, а несмолкаемый гул торгового зала то и дело прорезал металлический лязг номерных пластин на доске вызовов. Во все стороны летели бумаги, их сгребали в громадные кучи, весом до нескольких тонн, и вывозили глубокой ночью, спустя несколько часов после закрытия торгов. По утрам метро выпускало на поверхность целую армию секретарш, телетайписток и операторов, а самые целеустремленные из них задерживались допоздна, чтобы посетить вечерние курсы в бизнес-школе Нью-Йоркского университета или Институте финансов. Оба учебных заведения располагались на Уолл-стрит в двух шагах от церкви Святой Троицы. Конечно, уже тогда гиганты с легендарными именами – J.P. Morgan, Goldman Sachs, Lehman Brothers, Merrill Lynch, Bear Stearns – прочно заняли свои позиции, но рядом с ними ютились и небольшие фирмы. Именно они придавали Уолл-стрит неповторимую атмосферу. И только в этих маленьких брокерских конторах женщины, у которых хватило отваги проникнуть в мужской бастион, закрытый клуб «своих

парней», могли найти точку опоры, пусть и шаткую.

Женщины-первопроходцы Уолл-стрит – первые «волчицы» – ступали на неизведанную территорию, не зная, что их ждет. Они понимали одно: там будут мужчины, очень много мужчин, и мало кто из них собирался расстилать перед женщинами красную дорожку. Один из так называемых специалистов – тех, кто находился на вершине биржевой иерархии, – шепнул Элис Ярхо, первой женщине, получившей право постоянно торговать в зале Нью-Йоркской фондовой биржи: «...Тебе здесь не место».

«Волчицы» появились на Уолл-стрит именно тогда, когда женское движение набирало силу. В 1968 году табачная компания Philip Morris выпустила женские сигареты Virginia Slims. Рекламный слоган гласил: «Ты прошла долгий путь, детка!» (You've Come a Long Way, Baby!). Фраза, остававшаяся на слуху вплоть до 1990-х, мгновенно вошла в обиход и закрепились в поп-культуре: ее цитировали, пародировали и переосмыслили. Хронология книги совпадает с историей этого слогана – и одновременно заставляет задаться вопросом: а какой путь прошла *ты*, детка?

В 2013 году миллиардер Пол Тюдор Джонс, основатель хедж-фонда Tudor Investment Corporation, спровоцировал скандал своим выступлением на панельной дискуссии в Вирджинском университете. Кто-то из зала спросил, почему среди участников только «богатые белые мужчины средних лет». Джонс ответил: «Вы никогда не увидите столько же вы-

дающихся женщин-инвесторов или трейдеров, сколько мужчин. Точка. Разговор окончен... Возьмите девушку моего возраста... в семидесятых. Я помню двух таких – они начинали вместе со мной в E. F. Hutton. Прошло четыре года, наступил 1980-й – я как раз готовился запускать свою компанию, – и обе вышли замуж. А потом у обеих появились... дети. Стоило губам младенца коснуться материнской груди – и все, можете забыть... Сколько раз я такое видел...»¹ [1].

История, рассказанная на страницах этой книги, опровергает каждое его слово.

¹ Здесь и далее, если не указано иное, перевод Анны Логиновой.

Глава 1

Первые шаги

На Уолл-стрит наконец наступили «бесшабашные годы». Если в удачный день 1960 года в зале Нью-Йоркской фондовой биржи продавались четыре миллиона акций, то к 1967-му эта цифра приблизилась к десяти миллионам. Инвесторы активно скупали «гламурные акции» с футуристическими названиями (вспомните хотя бы Xerox!) [1]. Так называемая «модная полусотня»² (нечто вроде сегодняшнего FAANG: Facebook, Apple, Amazon, Netflix и Google) объединяла технологических новаторов эпохи: Polaroid, Texas Instruments, Telex, Kodak. «Стрелки»³ – дерзкие молодые парни, возглавлявшие новые агрессивные инвестфонды, – превратились в настоящих знаменитостей. В 1967 году брокерская фирма Harris, Upham, Inc. в своем бюллетене заявила: рынки движутся в том же направлении, что и длина юбки⁴. К ста-

² Nifty Fifty – биржевой термин, обозначал неформальную группу из примерно 50 крупных, надежных компаний («голубых фишек»). Их акции торговались на Нью-Йоркской фондовой бирже и считались беспроигрышными долгосрочными вложениями. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.*

³ По-английски молодых дерзких управляющих инвестиционными фондами называли *gunslingers* (ганслингеры) – так во времена Дикого Запада именовали виртуозов обращения с огнестрельным оружием. – *Прим. перев.*

⁴ Отсылка к теории Hemline Index (индекс длины юбки), согласно которой длина юбок напрямую зависит от состояния экономики: в периоды процветания юб-

тье прилагался выполненный карандашом график: динамика длины юбок по годам и рядом – кривая роста биржевого рынка. «С 1897 года, когда юбки подметали мостовую, до эпохи Твигги в 1967-м рынок вырос в стоимости на 2100%» [2], – торжественно провозглашала Harris, Upham, Inc. Вот только самым женщинам – хоть в мини а-ля Твигги, хоть в любой другой юбке – на Уолл-стрит были не рады. Квадратный километр нижнего Манхэттена целиком принадлежал мужчинам: одни заходили пропустить стаканчик в закрытом клубе India House, другие останавливались почистить ботинки, а третьи катили по улицам тележки, груженные биржевыми сертификатами – изящно орнаментированными произведениями искусства, – чтобы доставить их в подземные хранилища.

Когда Элис Ярхо ушла из дома, оставив колледж Куинс ради новой жизни на Манхэттене, она не собиралась идти на Уолл-стрит. Ни ей самой, ни кому-нибудь еще не пришло бы в голову, что она станет первой женщиной с правом полноценно торговать в зале Нью-Йоркской фондовой биржи. Девятнадцатилетней Элис просто нужно было платить за жилье. Девушка устроилась администратором на ресепшен в Hirsch & Company – одну из множества брокерских контор, которые тогда процветали на Уолл-стрит, – а после рабо-

ки становятся короче, а в периоды спада – длиннее. В хорошие времена женщины демонстрируют дорогие чулки, а в кризис – скрывают их отсутствие под длинными юбками.

ты возвращалась в квартиру в полупустом неблагополучном квартале Йорквилла, по соседству с недавно закрывшейся пивоварней Джейкоба Рупперта. Она делила однокомнатную квартиру [3] с девушкой, учившейся на медсестру. Ежемесячная аренда обходилась в 157 долларов 60 центов, а помещение было настолько тесным, что если разложить откидную кровать, то через нее приходилось перелезть, чтобы попасть в туалет. И все же зарплаты в Hirsch & Company на жизнь не хватало, и когда стопка написанных красными чернилами уведомлений о неоплаченных счетах стала расти, Элис нашла место, где платили больше.

Элис стремилась к одному – к свободе. Детство прошло в частном доме в Форест-Хиллз, в Куинсе. Ее мать была коммунисткой с партийным билетом [4] (до тех пор, пока Хрущёв в 1956 году не обнародовал доклад «О культе личности и его последствиях»). Она не играла в канасту⁵ [5] и не ходила в парикмахерскую, как другие матери. Вместо этого она днями и ночами пропадала в офисах Американской рабочей партии, а в свободное время либо стояла в пикетах, либо раздавала экземпляры коммунистической газеты *The Daily Worker* у входа в универмаг Macy's, всюду таская с собой семилетнюю Элис. Дом в Форест-Хиллз, заваленный книгами, с политическими собраниями в подвале, на роль убежища не годился: туда «часто наведывались» [6] агенты ФБР.

⁵ Популярная карточная игра, в 1950-е годы была широко распространена в США и стала массовым развлечением среднего класса.

Элис едва не распрощалась с Уолл-стрит, когда случайно столкнулась с Джейн Ларкин – в очереди за билетами на фильм Ингмара Бергмана. Ларкин, дочь манхэттенского детектива, была на Уолл-стрит белой вороной, исключением, лишь подтверждавшим правило: успешная женщина в мире финансов, аналитик и партнер в Hirsch & Company – той самой конторе, из которой Элис ушла ради более высокой зарплаты. Позднее, когда женское движение набрало обороты, Ларкин категорично заявила: «Феминистка – это не про меня» [7]. Она была истинной дочерью своего времени. Ларкин отвела Элис в сторону и предложила вернуться в Hirsch & Company: фирма открывала новый филиал – не хочет ли Элис пойти туда секретарем? Та согласилась [8] – но с условием, что на этот раз зарплаты будет хватать на оплату счетов.

Офис, как и обещала Ларкин, был совершенно новым, с застекленными кабинетами и просторным открытым залом в центре: здесь сидели так называемые «добытчики» – те, кто приносил фирме основные деньги. Вдоль одной стены тянулось табло с бегущей строкой тикера. Если вдруг важные цифры ускользали от взгляда, всегда можно было подойти к старому биржевому телеграфу – проверить бесконечную узкую белую ленту с отпечатанными кодами акций и котировками, которую аппарат выдавал без остановки целый день. Стоило какой-нибудь акции рухнуть или взлететь в цене, как новость тут же разносилась по всему залу.

Hirsch & Company работала с розничными клиентами – то есть с частными, а не с институциональными инвесторами, – и значительную часть рабочего дня брокеры проводили за холодными звонками. Впрочем, времена благоприятствовали таким продажам: экономика была на подъеме, комиссии за сделки фиксировались и пересмотру не подлежали – инвестор платил брокеру за каждую операцию, прибыль зависела от объема купленных или проданных акций. Брокеру не приходилось лезть из кожи вон; да и вникать во все тонкости и хитросплетения рынка, по большому счету, не требовалось – достаточно было оформлять сделку за сделкой, поощряя клиентов покупать и продавать. Настоящая гонка начнется позже – как и серьезные деньги.

Едва Элис обжилаась на новом месте, как однажды утром в офис вошел управляющий. Он выдвинул ящик стола и достал пистолет. Через стеклянные стены кабинета все было видно как на ладони: он стоял, размахивая оружием. Сотрудники кричали, умоляли его остановиться и положить пистолет. Приехала полиция, а следом – скорая; мужчину увезли на носилках под конвоем. В тот же день секретарша Элис Ярхо стала фактической управляющей офисом.

Второй человек в иерархии, претендующий на руководство, был успешным «добытчиком»: он сидел на самом видном месте, в центре зала, и не собирался жертвовать своими доходами ради административной рутины. Так что бразды правления перешли к Элис: ей предстояло нанимать телетай-

писток, открывать клиентские счета и разбираться с ошибками в сделках (в лихорадке торгов на Нью-Йоркской фондовой бирже заявки на покупку и продажу акций строчились на клочках бумаги в такой спешке, что информация на двух бланках могла расходовиться).

Но некоторые ее обязанности – в частности, открытие счетов и общение с клиентами – находились в серой правовой зоне. По закону этим мог заниматься только зарегистрированный представитель, то есть брокер, прошедший аттестацию. Фирма рисковала, но существовало простое решение: Элис сдаст лицензионный экзамен (с 1974 года он будет называться Series 7⁶) – и юридические риски отпадут. Девушка обратилась к партнерам фирмы с просьбой оплатить регистрационный взнос, но те отказались выложить триста долларов [9] – потому что она женщина. Та самая фирма, которая сделала Джейн Ларкин партнером, пожалела трехсот долларов для Элис Ярхо, чтобы та могла работать по правилам.

Назначение партнером стройной рыжеволосой Джейн Ларкин не вызвало возмущения именно потому, что она занимала позицию аналитика, а не биржевого брокера. Печата́ть и отве́чать на звонки – это, как и везде, считалось женским занятием. В аналитике к женщинам относились тер-

⁶ Стандартизированный в США тест, необходимый для получения лицензии биржевого брокера и работы с ценными бумагами. Проверяет знание правил торговли, регуляторных норм и профессиональной этики.

пимо: такая работа велась за кулисами, она могла влиять на принятие решений, но не давала права заключать сделки. А вот продажи и трейдинг, где и генерировалась прибыль, оставались мужской территорией. *Это* правило было священно и неприкосновенно.

Элис выросла в семье, где капитализм традиционно ставили под сомнение, но ее мотивы были иными. От матери, которая вечно «свергала правительство» [10], Элис унаследовала бесстрашие перед властью имущими. Поэтому в 1969 году она не собиралась задерживаться в Hirsch & Company, если там так относились к ней и к женщинам в целом. Вскоре Элис уволилась и перешла в Oppenheimer, в отдел институциональных инвестиций, к арбитражнику. Компания славилась надежностью и специализировалась на обслуживании крупных институтов: страховщиков, пенсионных фондов и профсоюзов. И главное – в отличие от предыдущего работодателя, здесь Элис были готовы помочь с получением брокерской лицензии.

Ее приняли клерком к трейдерам, и теперь она сидела в общем «загоне», бок о бок с мужчинами. Никакого обучения не было и в помине. Каждый день она пыталась разобраться в сути арбитража, но стоило ей признаться в непонимании, как начальник в ответ «бил кулаком по столу» [11]. Лишь позже определение уложилось в четкую формулу: одновременная покупка и продажа эквивалентных ценных бумаг, торгуемых с разницей в цене из-за рыночных колебаний. И в

какой-то момент картина наконец сложилась.

В обязанности Элис входило оформлять документы за начальника, размещать заявки, проверять ошибки, подбирать аналитические материалы и сопровождать сделки в зале. С ростом объемов торгов роль клерка становилась все важнее. В докомпьютерную эпоху каждая сделка опиралась на личное доверие между покупателем и продавцом, и именно от клерка зависело, насколько гладко все сложится. Ценовые котировки и данные о проданных бумагах требовалось зафиксировать и сверить перед окончательным расчетом, чтобы исключить ошибочный перевод акций или средств. Работа была кропотливой, требовала усердия, не сулила ни капли славы – зато при малейшей оплошности крайним всегда оказывался клерк. Неудивительно, что именно через эту дверь женщины и попадали на Уолл-стрит.

Начальник Элис был на редкость умен, но при этом – «маленький» и «горлопан» [12]. Однажды, когда она что-то упустила, он схватил громоздкий телефонный аппарат из пластика и металла, весом почти в два с половиной килограмма, и запустил им в нее, едва не попав в голову. Элис застыла, моргая и пытаясь осознать произошедшее. Первая мысль: полным идиотом выглядит он, а не она. Вторая: он, как один из лучших «добытчиков» Oppenheimer, не понесет никакого наказания. Она резко развернулась, цокнув каблуками, и направилась в дамскую комнату, где другая женщина попыталась ее утешить. Но стоило шоку пройти, как Элис нашла

ситуацию настолько абсурдной, что расхохоталась.

Помимо начальника, рядом с Элис сидел еще один клерк – значительно выше рангом, – который «вечно хвастался размером своего достоинства» [13]. И рисовал его для Элис – надо полагать, чтобы она восхищалась. Элис холодным взглядом оценивала главного арбитражника и думала: до чего нелепо, когда взрослый мужчина закатывает публичные истерики. С тем же отстраненным вниманием она всматривалась [14] в соседа: женатого человека, отца двух маленьких дочерей, фотографии его семьи красовались на столе. Элис пыталась понять, что творилось у него в голове.

А потом однажды ее осенило: да эти мужчины получали удовольствие, выводя ее из себя. Она была для них как кошачья мята! Стройная, хорошенькая, метр пятьдесят семь ростом – «новая игрушка, блестящая новенькая штучка» [15]. Но они не знали, что все детство она давала отпор двум братьям, для которых издевательство над младшей сестренкой было любимым занятием: ее то душили карнизом для штор [16], то отбирали у нее подарки на Хэллоуин. Она научилась отстраняться от обидчиков. Как и многие женщины, пробравшиеся в те годы на Уолл-стрит окольными путями, Элис была из тех, кого жизнь загодя научила лавировать в нездоровой среде [17]. Можно даже сказать, что в таких условиях она расцветала, зная все правила игры. И вот теперь, оказавшись на Уолл-стрит, она попала в идеальную обстановку, чтобы отшлифовать свой талант до совершенства.

Но существовал и куда более прямой маршрут на Уолл-стрит – обучение в бизнес-школе. Гарвардская школа бизнеса (Harvard Business School, HBS) считалась самой престижной, и в конце лета 1963 года, за несколько лет до того, как Элис оказалась на Уолл-стрит, корреспонденты нахлынули в Кембридж (штат Массачусетс), потому что лучшая бизнес-школа Америки собиралась впустить их – *женщин*.

На двухлетнюю программу MBA зачислили восемь девушек. Двухлетнюю Элейн Люти, изучавшая английскую литературу в Стэнфорде⁷, вскрыла телеграмму и узнала, что получила статус «первой женщины» Гарвардской школы бизнеса. Газета *The Boston Herald* окрестила ее «белокурой бомбой» [18]. На официальных университетских снимках первого дня занятий образ Элейн безупречен: зачесанный набор «боб», черная водолазка, твидовая юбка-карандаш и жакет в тон. Джеки Кеннеди, да и только.

Люти оказалась в числе выпускников Гарвардской школы бизнеса 1965 года вместе с 7 другими женщинами и 624 муж-

⁷ Здесь и далее упоминается «Стэнфордский университет», он внесен в перечень организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ. – *Прим. изд.*

чинами. Несмотря на шумиху вокруг нового набора, некоторые выпускницы уже успели почувствовать, что их ждет. Еще с 1959 года, за четыре года до поступления Элейн, Гарвардская школа бизнеса давала выпускницам годичного курса делового администрирования Рэдклифф-колледжа возможность перейти сразу на второй курс куда более престижной двухлетней программы МВА для мужчин. Эту учебную программу запустили в 1938 году специально для студенток женского колледжа-партнера Гарварда. В первый год эксперимента [19] три слушательницы – жена аспиранта бизнес-школы, дочь банкира со Среднего Запада и единственная дочь матери-одиночки, работавшей уборщицей, – увидели амфитеатры лекционных залов и познакомились с дискуссионным методом обучения, которым так гордилась Гарвардская школа бизнеса. А заодно и с презрением однокурсников и преподавателей. Впрочем, этого сполна хлебнули все студентки программы Рэдклиффа. Энн Левен вспоминала, как бушевал один профессор: «Я объяснял то же самое парням, мужчинам, сегодня утром, и они все поняли. Что с вами не так? Вы что, совсем тупые?» [20]. Энн встала и вышла из аудитории в знак протеста, за ней поднялся весь курс – и они отказались возвращаться, пока профессора не отстранили.

Время от времени студенток Рэдклиффа приглашали присоединиться к мужчинам на другом берегу реки – правда, им отводилась роль «подопытных кроликов» [21]. Одна из деву-

шек вспоминала, как ее сокурсницу попросили продефилировать в платье от Dior на занятии, где обсуждались преимущества высокой моды (haute couture) перед массовым производством. В другой раз студенток Рэдклиффа пригласили поучаствовать в дискуссии на тему «Будут ли женские шляпки продаваться в супермаркете?».

Долгое время Энн Левен считала, что «нам была не нужна Глория Стайнем»⁸ [22], что они с однокурсницами и сами за себя постоят, без всякого женского движения за спиной. Но, оглядываясь назад, она поняла, насколько наивным оставалось их восприятие дискриминации: они замечали ее лишь тогда, когда на них в буквальном смысле орали.

Впрочем, они были далеко не единственными женщинами 1960-х, не замечавшими того, что творилось вокруг. В 1961 году 95% американок утверждали, что после учебы намерены строить карьеру [23]. Однако книга Бетти Фридан «Загадка женственности»⁹, вышедшая в 1963 году, показала, как после войны, в ответ на триумфы клепальщицы Розы¹⁰, от образованных женщин стали ждать, что они об-

⁸ Глория Стайнем (р. 1934) – американская феминистка, журналистка и общественная активистка, одна из ключевых фигур второй волны феминизма в США; соосновательница журнала *Ms.*, автор статей о правах женщин и гендерном равенстве.

⁹ Фридан, Б. Загадка женственности / Пер. Ю. Каллистратовой. М.: АСТ, 2022.

¹⁰ Культурный символ США периода Второй мировой войны, олицетворяющий женщин, пришедших на производство вместо ушедших на фронт мужчин. Образ популяризирован плакатом «We Can Do It!» (1943) и одноименной песней.

ретут счастье не в работе, а в мифологизированном идеале: четверо детей, две машины, белый заборчик из штакетника и еженедельные родительские собрания. Первая женщина – вице-президент чикагского универмага – на вопрос о перспективах таких, как она, саркастически отметила: «Женщина, решившая играть в эту нечестную игру, должна быть готова выглядеть как девушка, вести себя как леди, думать как мужчина и пахать как лошадь» [24]. В 1966 году журнал *Newsweek* привел результаты опроса бизнесменов, которым задали вопрос о готовности работать под руководством женщины: почти все сочли эту идею «откровенно возмутительной» [25].

В Гарвардской школе бизнеса настроения были в целом те же. И все же среди студентов-мужчин попадались и «хорошие парни» – «союзники», как сказали бы сейчас, – а среди преподавателей встречались и такие, кто скорее терялся, чем шел в атаку. Одна студентка, не выдержав, отвела преподавателя в сторону и спросила, почему он ни разу ее не вызвал. Тот ответил, что не уверен, хочет ли она, чтобы ее спрашивали. Девушка парировала: если подняла руку и отчаянно ею машет – значит, хочет. Другой профессор [26] попросил замужнюю студентку, мать нескольких детей, выйти из аудитории, потому что он собирался показать фотографии (предположительно, обнаженных женщин) перед дискуссией о клубе Playboy. А один профессор финансов упорно называл студентку «мистер» и ни разу не осмелился посмотреть

ей в глаза.

Бытовые условия превращали дистанцию между студентами и преподавателями или однокурсниками-мужчинами из метафоры в буквальную реальность: женщин поселили с другими аспирантками в Рэдклифф-центре для выпускников, расположенном вдали от кампуса бизнес-школы. И расстояние давало о себе знать, особенно холодными зимними вечерами, когда ветер на мосту через реку Чарльз злобно хлестал по лицу, будто давал пощечину.

Никому – ни в деканате, ни где бы то ни было – не приходило в голову позаботиться о безопасности или удобстве студенток, которые курсировали между двумя кампусами, нередко глубокой ночью. Специального автобуса для них не предусмотрели. Они шли на занятия в деловой одежде – шерстяных платьях, – и несли с собой чулки и туфли на каблуках, а в кампусе бизнес-школы была всего одна дамская комната, где удавалось переодеться.

Мужчины, жившие ближе к инфраструктуре школы и друг к другу, могли собираться в учебные группы и распределять нагрузку. Каждый вечер студентам задавали по два-три кейса [27], к которым требовалось подготовить стратегии и решения для обсуждения на следующем занятии. Осилить это в одиночку было практически невозможно – только если разделить работу на всех. Женщины, жившие далеко от кампуса, оказались исключены из совместных дискуссий и по наивности последовали рекомендациям администрации

не объединяться в рабочие группы со студентами других потоков.

Изоляция остужала пыл не хуже ледяного ветра с реки Чарльз. В первый день Джейн Лэк вошла в аудиторию и заняла место [28]. Мужчины потянулись в зал, но она заметила, что никто не садился рядом – ни сбоку, ни впереди, ни позади. Она сидела как прокаженная и никогда прежде не чувствовала такого одиночества. Оглядываясь назад, Роберта Лэсли – дочь матери-одиночки, работавшей уборщицей, – вспоминала: «Кто-то из них был нормальным, кто-то хамил; одни были умнее меня, но многие – куда глупее. Но каждый задира л нос» [29].

Одним из главных испытаний в Гарвардской школе бизнеса был WAC (Written Analysis of Cases), то есть письменный анализ кейсов. По пятницам студенты получали дополнительный кейс [30], к которому нужно было подготовить подробный разбор с таблицами и графиками, и в субботу опустить его в специальную щель в двери строго до назначенного часа. После дедлайна ящик убирали, и опоздавшие работы просто шлепались на голый пол – ноль баллов. Электронных калькуляторов тогда еще не было, и все расчеты кропотливо выполнялись с помощью логарифмических линеек, а затем перепечатывались на архаичных пишущих машинках с вечно капризничавшими красящими лентами. Чтобы успеть сдать работу в срок, студенткам с другого берега приходилось закладывать дополнительное время на дорогу. Порой

нужно было пробиваться сквозь пробки и толпы болельщиков, спешивших через мост на субботний футбольный матч. Приходилось плыть против течения – в буквальном смысле.

Словно одной изоляции было мало, женщинам без конца твердили, что они занимают чужое место. Сокурсники заявляли им в лицо без тени смущения, что мужчины, кормильцы семейств, куда больше заслуживают мест в Гарвардской школе бизнеса. Даже те студенты, кто успевал узнать однокурсниц поближе и проникнуться к ним симпатией, не могли взять в толк, зачем они здесь. 1950-е остались позади, но их культурные представления по-прежнему опутывали студентов. После Второй мировой войны американский бизнесмен стал символом – воплощением нового успеха Америки. В отличие от довоенной эпохи, теперь у него, скорее всего, был диплом колледжа, а его «изнурительный» рабочий график – от 53 до 62 часов в неделю (едва ли не отдых по нынешним меркам) – воспринимался как проявление мужской стойкости и закалки. В статье журнала *Fortune* 1955 года [31] описывался типичный день бизнесмена: подъем в семь утра, плотный завтрак, в офис к девяти, в шесть вечера мчаться домой, ужин – и в кровать с бумагами, прихваченными с работы.

Но столь же неотъемлемой частью образа, как отглаженный костюм, накрахмаленная рубашка и кожаный портфель, была жена руководителя. На холостяков смотрели с подозрением. Считалось, что лучше жениться и развестись, чем

не жениться вовсе. Образцовая жена успешного бизнесмена, как правило, тоже имела высшее образование – хотя бы для того, чтобы поддерживать интеллектуальный баланс в паре и не превращаться в ту, кого называли «жена, которую он перерос» [32]. Также считалось полезным, если до замужества женщина успевала немного поработать – чтобы понимать, чем живет ее муж.

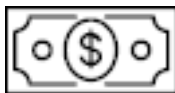
Корпорации видели в женах своего рода флюгер, указывающий на потенциал мужчины, и предъявляли к ним немало требований. Идеальная жена руководителя «легко приспособливается, весьма общительна и понимает, что ее муж принадлежит корпорации» [33]. Свод правил для жен руководителей [34] гласил:

- никогда не обсуждать рабочие дела с «девочками» (другими женами);
- никогда не являться в офис без предупреждения;
- следить за внешностью (ибо была установлена «прямая корреляция между успехом руководителя и наружностью его жены»);
- налаживать приятельские отношения по телефону с секретаршей мужа;
- и «никогда – слышите, никогда! – не напиваться на корпоративной вечеринке».

Вдобавок женам вменялось в обязанность создавать дома спокойную, расслабляющую обстановку для своих измотанных, взвинченных мужей, отработавших 53 часа в неде-

лю. Сами жены зачастую охотно делали эти идеалы своим жизненным ориентиром – и так же добровольно принимали негласный надзор, необходимый для поддержания заведенного порядка. Опрос четырех тысяч жен руководителей [35], проведенный в 1957 году, показал: 55% из них считали, что компания, нанимая мужчину, должна заодно побеседовать и с его женой – проверить, как та с ним обращается (не слишком ли пилит?) и как у нее дела с алкоголем. Впрочем, это и так происходило в менее формальной обстановке: не было ничего необычного в том, чтобы пригласить потенциально-го сотрудника с супругой, скажем, в загородный клуб. Известен случай, когда мужчина потерял работу [36] из-за того, что жена посмела явиться на корпоративный пикник в платье без бретелек.

Идеальная «корпоративная жена» была еще и тенью, неотступно следовавшей за студентками Гарвардской школы бизнеса. Именно о такой мечтали по ночам холостяки, заседаая в общежитиях из красного кирпича. Студентки на другом берегу реки, в Рэдклиффском центре, были антиподом этого идеала, полной противоположностью образцовой корпоративной жены – женщинами, дерзнувшими занять место мужчины, а не взбивать ему подушки в кресле.

Все восемь «первых женщин», позировавших фотографу в гарвардской библиотеке Бейкера в 1963 году, были белыми.

Четыре года спустя, в 1967-м, Лиллиан Новелла Хобсон провела десять часов в поезде из Вашингтона, пока наконец не добралась до места. В одной руке – чемодан, другая занята тяжелым сундуком. Когда она вышла из такси [37] у общежития на Эш-стрит, 6, ее поджидало разочарование: Рэдклиффский центр для выпускников – «невзрачная кирпичная коробка» [38], построенная менее десяти лет назад, – оказался вовсе не на территории кампуса школы бизнеса и даже не рядом. Дверь открыла домоправительница. Увидев на пороге молодую чернокожую женщину, она, вероятно, удивилась, но ничем себя не выдала. Впрочем, на радушный прием это тоже не походило. Она вычеркнула имя Лиллиан из списка и сообщила, что комната будет готова лишь к трем часам, но неподалеку есть парк, можно подождать там.

Лиллиан опустилась на парковую скамейку, огляделась и, обращаясь к самой себе, произнесла: «Зачем я здесь?» [39]. У. Э. Б. Дюбуа, первый чернокожий студент Гарварда, окончивший его в 1895 году, писал: «Я был в Гарварде, но не был его частью» [40]. Спустя 72 года Лиллиан испытывала похожие чувства, сидя на скамейке и тоскуя по родным на юге – по отцу, мелкому табачному фермеру, и по матери, бывшей учительнице.

В Боллсвилле (штат Вирджиния), где едва набиралось

200 с небольшим жителей, чернокожему без собственной земли оставалось одно – батрачить или наниматься прислугой. В детстве Лиллиан донашивала [41] чужие платья или, что еще хуже, платья, которые мать шила из 50-фунтовых мешков из-под корма для скота. В школьной столовой она была той самой девочкой, которая приносила бутерброды с домашним хлебом, а те, кто побогаче, – с магазинным «Ван-дер Брэд». Школы были отдельными, но когда в 1954 году сегрегацию отменили, Лиллиан, как ни странно, ощутила потерю. В полностью черной школе она чувствовала себя сильной, а теперь многие из любимых учителей были вынуждены уйти из профессии. Единственным проблеском в старших классах стало то, что двоюродная сестра Лиллиан устроилась горничной в ричмондскую семью, владевшую сетью ювелирных магазинов. Хозяева отдавали ей вещи, из которых выросли их дочери, – и Лиллиан внезапно стала одеваться куда лучше.

Она окончила школу третьей в классе и была уверена, что стипендии, которые по традиции вручали двум отличникам, – единственная дорога в колледж. До них она не дотянула совсем немного. Оставался следующий по привлекательности вариант – Нью-Йорк. Лиллиан не сомневалась: «за пределами системы сегрегации» [42] живет лучше – хотя бы потому, что нью-йоркские родственники, навещавшиеся в гости, приезжали «на красивых машинах». Через родню она устроилась горничной в фешенебельный курортный

отель в Хэмптонсе – единственная работа, на которую могла рассчитывать молодая чернокожая женщина. Но одного лета на Лонг-Айленде без машины и общественного транспорта оказалось более чем достаточно. Когда сезон закончился, она перебралась в крохотную квартирку в Гарлеме к двум кузинам: с одной делила кровать, другая спала на диване в гостиной. На кухоньке безраздельно хозяйничали тараканы. Для молодой чернокожей девушки вариантов было немного, и Лиллиан, наступив на гордость, нанялась прислугой в семью на Пятой авеню.

Именно там она впервые увидела по-настоящему богатую жизнь. Шкафы ломились от вещей, кухонная техника сверкала, а любые прихоти семьи выполняла прислуга – в том числе она сама. Лиллиан тоже хотела такой жизни, но для этого нужно было вырваться из мира домработниц. Она попробовала устроиться в Macy's, но, когда призналась, что офисного опыта у нее нет, ей указали на дверь. Вернувшись, спросила о сезонной работе – снова отказ. В третий раз помогла не столько удача, сколько усвоенный урок: на вопрос о прежнем конторском стаже Лиллиан ответила утвердительно, назвала три вымышленные компании, которые придумала заранее, и держалась спокойно – так, как отрепетировала перед зеркалом. Когда тест по машинописи закончился, у сотрудницы отдела кадров сделалось озабоченное лицо, и у Лиллиан оборвалось сердце. Но результат оказался настолько хорош, что женщину беспокоило лишь одно – по-

тянет ли бюджет компании такую сотрудницу. Лиллиан еле сдержала смех и вступила в должность клерка в отделе сравнительных покупок за 45 долларов в неделю.

Но Нью-Йорк – дорогой город, и даже без всяких излишеств Лиллиан перебивалась от зарплаты до зарплаты. Осознав, что и это тупик, ничуть не лучше работы прислугой, она уехала в Вашингтон и в конце концов поступила в университет Говард, где познакомилась с профессором Нейло-ром Фитцхью – одним из первых чернокожих выпускников Гарварда со степенью МВА. В 1933 году он на собственном опыте убедился, что престижный диплом не дает никаких гарантий: «По правде говоря, даже если бы я захотел, я не смог бы устроиться продавцом в сетевую бакалею в полностью черном районе Вашингтона» [43]. Став преподавателем, Фитцхью поставил себе цель изменить положение афроамериканцев в коммерческой сфере. Когда Лиллиан училась на третьем курсе, именно он предложил ей поступать в бизнес-школу. Приподняв бровь, он добавил, почти не сбрасывая темп: «А почему бы не в Гарвард?» [44].

Пожалуй, это и к лучшему: она не знала, во что ввязывается, и согласилась без лишних вопросов. В том году из 800 поступивших было всего 18 женщин. А река Чарльз, как вскоре узнала Лиллиан, символизировала великий водораздел [45] – границу между гарвардскими либералами и их консервативными антиподами. Студенты Гарварда называ-

ли [46] бизнес-школу «Вест-Пойнтом»¹¹ американского капитализма», а ее студентов – «капиталистическими свиньями».

В 60-е годы Кембридж был оплотом контркультуры. В тот же год, когда Лиллиан поступила в Гарвардскую школу бизнеса, Патриция Чедвик – недавно вырвавшаяся из католической еретической общины и со временем тоже оказавшаяся на Уолл-стрит – училась на секретарских курсах. Она впервые узнала о Beatles, лишь покинув круг последователей Леонарда Финей¹². Теперь Патриция наслаждалась обретенной свободой, щеголяя в «черной кожаной мини-юбке, облегающей красной водолазке и туфлях на платформе, которые прибавляли к ее 165 сантиметрам еще десять» [47]. Несмотря на то, что она голосовала за Ричарда Никсона, Кембридж покорила ее сердце: «По площади бродили нечесанные и немые хиппи в сандалиях, футболках тай-дай и с длинными волосами – бок о бок с интеллектуалами, студентами и вереницами кришнаитов в шафрановых одеяниях» [48].

Лиллиан подобных восторгов не испытывала. Спеша через реку на занятия, она ощущала себя белой вороной в деловом костюме, нейлоновых чулках и туфлях на каблуках, но не могла не заметить иронии: студентки МВА, одетые столь же консервативно, как мужчины в «серых фланелевых ко-

¹¹ Высшее федеральное военное учебное заведение армии США, старейшая и самая престижная из пяти военных академий. – *Прим. перев.*

¹² Леонард Финей (1897–1978) – католический священник, который основал в Бостоне ультрадогматическую общину, построенную на буквальном толковании догмы «вне Церкви нет спасения».

стюмах»¹³ [49], на деле оказывались первопроходцами – воительницами, готовыми к борьбе.

Лишь когда на вступительной церемонии арену (единственное пространство, способное вместить всех, ведь к первокурсникам присоединились ветераны) заполнили будущие студенты Гарвардской школы бизнеса 1969 года, Лиллиан осознала всю значимость момента. Она принялась искать глазами в толпе хоть одно темнокожее лицо. Насчитала пять. Все – мужчины.

В секции D были 97 белых мужчин, две белые женщины и Лиллиан. Во всем кампусе, даже в администрации, не нашлось ни одной чернокожей женщины. Преподаватели и сотрудники школы предпочитали ее не замечать. Заслышав в коридоре ее шаги, профессор нередко ускорял шаг: «словно бежал по трапу, чтобы успеть на ближайший рейс из города» [50]. Взгляд в пол, невнятное мычание, улыбка, обращенная к паркету, – если повезет, – и он проскальзывал мимо, не удостоив ее ни «здравствуйте», ни «как дела».

¹³ Отсылка к роману Слоуна Уилсона «Человек в сером фланелевом костюме» (1955) и одноименному фильму. Символ конформизма, корпоративной иерархии и гендерных ролей послевоенной Америки.

Впрочем, и белым однокурсницам Лиллиан приходилось несладко. Им «никогда прежде не доводилось сидеть в аудитории, настолько пропитанной тестостероном, среди самых нахрапистых на свете мужчин» [51]. Стоило профессору задать вопрос – он даже не успевал договорить, – а «руки уже взлетали как ракеты... и ответы сыпались как бомбы».

Большинство студенток предпочитали отмалчиваться и пересидеть «бомбардировку», хотя активность в дискуссиях напрямую влияла на итоговую оценку. Однокурсница Лиллиан, Робин Фут – впоследствии первая женщина, удостоенная стипендии Бейкера (высшей академической награды школы), – была единственной, кто вступал в полемику с мужчинами. Робин тянула руку и добивалась слова, чем «бесила» [52] многих сокурсников; кое-кто, как она сама признавалась, «ненавидел ее всеми фибрами души».

Робин и еще одна студентка сумели попасть в неформальную учебную группу, но Лиллиан и остальные женщины готовились самостоятельно. Лиллиан сидела в своей маленькой комнатке – односпальная кровать, узкий шкаф, простой письменный стол – и для фона слушала The Temptations [53], Глэдис Найт и The Pips, The Four Tops и The Platters. Иногда к ней заглядывала Нэнси Пельц [54]. Нэнси для себя решила: единственный способ выжить – не открывать рта на занятиях. Никогда.

Некое подобие равенства ощущалось лишь во время субботних заданий WAC – этого «затуманивания мозгов», че-

рез которое проходили все без исключения. Когда колокола кампуса отбивали дедлайн, студенты проталкивали свои работы в щель под одобрительные вопли и аплодисменты собравшейся толпы. Проверяющие (WAC-ридеры), как правило, набирались из молодых выпускниц женских колледжей, прежде всего из колледжа Смит. Лиллиан и ее однокурсники негодовали: «Сама мысль, что эти женщины из привилегированных семей с их изысканными гуманитарными дипломами вправе оценивать наши знания в бизнесе, казалась абсурдом. Может, они и разбирались в грамматике с пунктуацией – это было видно по красным пометкам, которыми пестрели синие тетрадки, – но оценивать наши аналитические способности и умение решать задачи им явно не по плечу» [55]. В этом Лиллиан ошибалась.

Еще с 1920-х годов студентов Гарвардской школы бизнеса раздражало, что их работы проверяют женщины: они полагали, что «их выстраданные литературные опусы заслуживают мужской оценки». Однако реальность была иной: хотя поначалу некоторые мужчины и пробовали себя в роли WAC-ридеров, администрация быстро поняла, что «компетентных молодых женщин можно нанять и обучить, и они справляются тщательнее и надежнее, чем большинство мужчин, готовых взяться за эту работу». Ни одну новую сотрудницу не допускали к проверке студенческих заданий, пока она не осваивала курс по бухгалтерскому учету, кейс-менеджменту и другим бизнес-дисциплинам. Платили «сущие гроши –

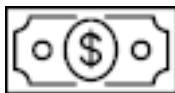
57 долларов в неделю» [56] за вычетом налогов, но места оставались конкурсными, поскольку, как заметил один профессор, «мы были единственным работодателем в Бостоне, нанимавшим молодых женщин для интеллектуальной работы».

Проверяющие сталкивались с пренебрежением со всех сторон. Джон Лёб-младший, истинный наследник Уолл-стрит (по матери – из Леманов, основавших Lehman Brothers, по отцу – из семьи Лёб, стоявшей за Loeb, Rhoades & Co.), окончил Гарвардскую школу бизнеса в 1954 году. С хитрым прищуром он уверял, что студенты, рассчитывавшие на высокие оценки, нарочно назначали свидания проверяющим. Но кем были эти молодые женщины? «Понятия не имею» [57], – отвечал он.

Почти двадцать лет спустя выпускницы 1972 года согласились с ним. Они были убеждены, что WAC-ридеры заискивали перед студентами-мужчинами, завышая им оценки. В доказательство приводили пример однокурсницы, которая была «значительно старше» [58] остальных и «потому не угрожала матримониальным планам» проверяющих. У нее оказались лучшие оценки среди женщин.

А правда заключалась в том [59], что на протяжении многих лет конкурс на место WAC-ридера был жестче, чем при поступлении в самую бизнес-школу. В определенные годы принимали лишь один процент подавших заявки – настолько отчаянно образованные молодые женщины искали хоть

какую-то работу, позволявшую задействовать интеллект. По сути, студентки бизнес-школы и проверяющие сталкивались с одной и той же проблемой: как выстроить профессиональную карьеру, когда всё на свете против тебя.

Как и Лиллиан, Присцилла Рабб окончила Гарвардскую школу бизнеса в 1969 году, но происходила из совершенно иной среды. Ее отец, Максвелл Рабб, занимал пост старшего советника президента Эйзенхауэра. Семья Присциллы была еврейской, однако Максвелл поддерживал близкие отношения с сенатором Генри Кэботом Лоджем-младшим – отпрыском одной из самых влиятельных «белых, англосаксонских и протестантских» семей в рядах Республиканской партии. Когда семья Рабб переехала на Манхэттен, Присциллу отдали в «Классы мисс Хьюитт» – нечто вроде школы благородных девиц. Там она появилась нарочито «крутой» [60] новенькой: шотландский свитер с круглой горловиной, надетый задом наперед, прямая юбка, гольфы до колен, кеды – и медальон на цепочке, завершавший образ. Окончив более требовательную старшую школу, в 1963 году она поступила в колледж Смит.

Через отца, который был знаком с Джоном Лёбом-стар-

шим, она устроилась на лето в Loeb, Rhoades & Co. – в отдел исследований коммунального сектора. Это занятие вряд ли привлекло бы большинство молодых женщин, но Присцилле нравилось: она приходила по субботам и воскресеньям, даже если в этом не было необходимости. Девушка уже видела свое будущее в инвестиционном банкинге. Когда в колледж Смит приехали рекрутеры из Гарвардской школы бизнеса, Присцилла записалась на встречу одной из первых. Она шла туда с уверенностью, что будет подавать документы на программу МВА, но рекрутеры, как выяснилось, набирали WAC-ридеров. Присцилла ответила отказом: ее интересовала не должность, а обучение в бизнес-школе.

Но даже привилегированное происхождение и светская искусственность Присциллы не спасали от полнейшей растерянности. В первый же день на занятии по курсу «Человеческое поведение» она попыталась стать невидимой: забралась на верхний ряд амфитеатра и втиснулась между двумя крупными мужчинами. Взгляд профессора нашел ее мгновенно.

«Представьте: вы идете по коридору, к вам подходит незнакомый человек – что вы ему о себе расскажете?» – спросил он.

Совершенно растерянная и парализованная страхом, она выпалила: «Ничего не скажу – родители учили меня не разговаривать с незнакомцами».

В аудитории, наверное, засмеялись – Присцилла была в таком смятении, что не расслышала ни слова, – но профес-

сор казался невозмутимым. Он отвернулся, словно студентка решила над ним подшутить, и игнорировал ее до конца семестра.

А еще на Присциллу ежедневно обрушивались замечания мужчин о том, что ей не место в Гарвардской школе бизнеса. Один из однокурсников пообещал съесть свою шляпу, если через десять лет у Присциллы не будет детей или она проработает хотя бы один день. Присцилла до сих пор ходит на встречи выпускников в надежде застать того скептика и заставить его выполнить обещанное.

У Присциллы было то, чего не было у Лиллиан, – целый арсенал социальной защиты: белая кожа, привилегированная семья и помолвочное кольцо с бриллиантом. В те времена оно служило чем-то вроде доспехов, оберегавших от лишних общественных ожиданий. Но поскольку жених ни разу не появился в кампусе, вскоре поползли слухи: может, она тайная ***¹⁴? Может, она из тех самых Раббов – создателей империи Stop & Shop? А может, у нее уже есть прибыльный бизнес в Нью-Йорке, куда она ездит по выходным? То, что перед ними обеспеченная выпускница колледжа Смит, отказавшаяся от должности WAC-ридера ради мечты стать инвестиционным банкиром, казалось невероятным, и в это просто не верили.

¹⁴ Здесь и далее под знаками *** будет опущен фрагмент текста, который издательство не может напечатать в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, что согласовано с автором. – *Прим. изд.*

А ведь у этих амбициозных женщин, чувствовавших себя так, будто их в одиночку выбросили в открытое море, были предшественницы. Те могли бы стать для них примером или хотя бы проложить путь. Вот только ни Присцилла, ни Лилиан – как, впрочем, и большинство их однокурсниц – скорее всего, никогда о них не слышали.

Глава 2

Брешь в стене

По легенде, в 1792 году [1] 24 брокера собрались под платаном у дома 68 на Уолл-стрит. Эта встреча вошла в историю как Баттонвудское соглашение: стоя под раскидистыми ветвями, участники договорились торговать исключительно между собой, подчиняться единым правилам и взимать фиксированную комиссию за сделки. Создав закрытый клуб, они гарантировали друг другу определенный уровень доверия, но объединение было, по сути, картелем – и именно ему суждено было превратиться в Нью-Йоркскую фондовую биржу, живое сердце американского капитализма.

Своим названием Уолл-стрит обязана, разумеется, деревянной стене, которую голландский губернатор Питер Стёйвесант приказал возвести для защиты поселенцев от местных индейских племен. Но именно Баттонвудское соглашение сделало «Уолл-стрит» символическим пространством: все двадцать четыре участника указали адреса контор в этом районе – Уолл-стрит, Брод-стрит, Пёрл-стрит, Ганновер-сквер, Нассау-стрит, Бродвей.

Вскоре квартал превратился в торговый центр Нью-Йорка, а название «Уолл-стрит» стало синонимом всей финансовой индустрии. Первая фондовая биржа заняла помеще-

ние на втором этаже кофейни Tontine [2] на пересечении Уолл-стрит и Уотер-стрит. Напротив находился рынок, где вплоть до 1762 года с причальных помостов шла торговля порабощенными африканцами и коренными американцами, а по соседству разгружали колониальные товары: кофе, чай, сахар, патоку и ткани.

До 1817 года Нью-Йоркская фондовая биржа работала в стенах этой кофейни, которую один английский путешественник начала XIX века живописал так:

«Здесь кишели страховщики, брокеры, купцы и политики – одни продавали, другие покупали, третьи заключали сделки или оформляли страховки; кто-то читал, кто-то жадно выпрашивал новости. На ступенях и балконе толпились люди – они делали ставки или слушали аукционистов, взгромоздившихся кто на бочку с сахаром, кто на бочонок рома, кто на тук хлопка; зычными голосами они выкрикивали: “Раз, два!”, “Раз, два!”, “Еще цент!”, “Благодарю, джентльмены!” – и сбывали товар, громоздившийся вдоль тротуара, покупателю, предложившему лучшую цену. Причал у кофейни и углы Уолл-стрит и Пёрл-стрит были запружены телегами, подводами и тачками; лошади и люди теснились вперемешку, отчего прохожие едва могли протиснуться».

Первыми женщинами, бросившими вызов Уолл-стрит, стали сестры Теннесси Клафлин и Виктория Вудхалл, начавшие свою деятельность там во второй половине XIX ве-

ка. Они стартовали как ясновидящие и гадалки, но позже стали заметными фигурами светской жизни, открыв в Нью-Йорке спиритический салон. Чтобы приумножить свое влияние, сестры обратились к Корнелиусу Вандербильту – железнодорожному и судоходному магнату, известному своей слабостью к прекрасному полу и мистицизму. Теннесси Клафлин стала его любовницей, а он согласился выступить тайным инвестором женского дуэта. Выделив семь тысяч долларов, Вандербильт обеспечил открытие брокерской конторы на Брод-стрит, 44, получившей название Woodhull, Claflin & Co.

Пресса была в восторге, а клиенты, особенно женщины, и подавно: для них предусмотрели отдельный черный вход, позволявший незаметно для публики входить в здание и открывать счета. Сюда заглядывал поэт Уолт Уитмен, он назвал заведение «пророчеством будущего» [3]. Сюзен Энтони с восхищением писала в суфражистской прессе: «Эти две леди (ибо они – леди) полны решимости зарабатывать на жизнь своим умом, энергией и деловой хваткой. Появление женской фирмы на Уолл-стрит знаменует новую эру» [4]. Предпринимательницы стали носить мужские деловые костюмы. В легендарном ресторане Delmonico's на Уолл-стрит женщинам запрещалось обедать без мужского сопровождения, но сестры обошли это правило, пригласив первого попавшегося кучера составить им компанию за столом.

Однако Клафлин и Вудхалл были не столько инвесторами,

сколько людьми колоссальных амбиций, они жаждали славы. Первая женская брокерская контора стала для них способом привлечь внимание к своим постоянно менявшимся интересам. Виктория рвалась в политику и рассматривала Уолл-стрит как трамплин к известности. В 1870 году она заявила о готовности баллотироваться в президенты, после чего сестры переключились на издание собственной газеты – *Woodhull and Claflin's Weekly*, где без стеснения пропагандировали свои идеи. Даже Корнелиус «Командор» Вандербильт, их тайный (на самом деле, даже не слишком) покровитель, обнаружил, что от колких выпадов Виктории никто не застрахован: в 1872 году она публично обвинила его и других капиталистов в вопиющем неравенстве распределения богатств. Ее взгляды на брак, свободные отношения и экономику становились все радикальнее, а поддержка инвесторов таяла. Одновременно пошатнулось положение брокерской конторы, которая чрезмерно зависела от спекуляций с золотом. В конце концов сестры перебрались в Англию и удачно вышли замуж. И все же предпринимательницы оставили заметный след: их часто списывали со счетов как дилетанток и медиумов, забавляющихся инвестициями, но на деле они прекрасно осознавали силу и притягательность Уолл-стрит и умели превращать публичность в реальный капитал.

Генриетта «Хетти» Грин, прозванная «Ведьмой Уолл-стрит» [5] и некогда попавшая в Книгу рекордов Гин-

несса как «величайшая скряга» [6] в истории, стала самой известной женщиной-инвестором эпохи Позолоченного века. Она с детства разбиралась в финансах: маленькой Хетти поручали читать вслух отцу, терявшему зрение, газетные обзоры рынков. Унаследовав состояние, она инвестировала с умом: покупала дешево, играла вдолгую – и в итоге стала самой богатой женщиной Америки. В отличие от сестер Клафлин и Вудхалл, Генриетта тщательно избегала публичности, хотя ее сутяжничество, патологическая бережливость и полное равнодушие к внешнему облику [7] словно сами привлекали к ней внимание (она ютилась в дешевых квартирах бедных кварталов, уклоняясь от налогов, и изо дня в день носила одно и то же черное платье, подкладывая внутрь мятые газеты для сохранения тепла и экономии на отоплении). Судебные скандалы и бесконечные тяжбы, которые она затевала, преследовали единственную цель: защитить свой капитал и сохранить над ним контроль. Когда к ней потянулись за займами не только частные лица, но и организации, Хетти Грин фактически стала «частным банком» [8]. Она ежедневно восседала за столом, арендованным у Chemical National Bank, и управляла обширным портфелем активов. Пресса осыпала ее двусмысленными комплиментами, отмечая ее «мужское финансовое чутье» [9].

Обойти вниманием фигуру Грин было невозможно, но в конце XIX века на бирже пробовали силы и другие женщины, среди которых выделялась Мэри Гейдж – дочь извест-

ной суфражистки Фрэнсис Дейны Гейдж. Столкнувшись с предвзятостью брокеров-мужчин, Мэри открыла биржу исключительно для женщин [10] по адресу Бродвей, 71. Иной прием ожидал Мэгги Уокер, дочь бывшей рабыни и белого писателя-аболициониста: как первую чернокожую женщину в США в роли президента банка ее встретили на удивление благосклонно, что отчасти объяснялось удаленностью ее деятельности от Уолл-стрит. В те годы афроамериканские лидеры активно поощряли предпринимательство среди чернокожего населения, однако банки, принадлежавшие белым, часто отказывали в кредитовании. Занимая пост в правлении Общества взаимопомощи Святого Луки в Ричмонде (штат Вирджиния), Уокер в 1901 году добилась создания банка, который напрямую обслуживал бы чернокожих граждан. Позже она сама стала его президентом.

Несмотря на усилия первых финансисток, проникавших в ранее недоступные сферы, переломить ситуацию, по общему убеждению, помогло другое: массовое присутствие американок на рынке и их потенциальная сила как инвесторов. Соединенные Штаты вышли из Первой мировой войны экономической сверхдержавой, и женщины наравне с мужчинами включились в биржевую игру. Пенсильванскую железную дорогу даже называли «дорогой юбок» [11], потому что более половины ее акций находилось в руках инвесторов-женщин. При столь обширной клиентской базе дверь в отрасль со скрипом приоткрылась: теперь женщины могли работать

брокерами и обслуживать исключительно женскую аудиторию. В годы спекулятивного бума 1920-х годов брокерские фирмы по всей Америке стали открывать «женские отделы» – специальные торговые залы, ориентированные на клиенток.

Деньги заговорили – и на этот раз женские. Такой сдвиг не укрылся от внимания журналистки Юнис Фуллер Барнард. В статье для *North American Review* она описала одно из таких подразделений: «Его можно было принять за клуб. То же приглушенное освещение, громадные диваны, бронзовая статуэтка в углу. В глубоких флорентийских креслах полулежали, покуривая, женщины, человек двенадцать. Но взгляды их были прикованы к широкой движущейся полосе света в дальнем конце зала. «PAK – 3/4... BDLA – 1/2»¹⁵: каббалистические знаки скользили по увеличенной тикерной ленте». И пока хорошенькие молодые ассистентки, «нарядные, словно манекенщицы» [12], незаметно проскальзывали в кабинку трейдера, чтобы на бегу пообедать сэндвичем, посетительницы не отрывали взгляд от биржевой ленты – им было не до обеда. На страницах *The New York Times* корреспондентка не менее восторженно фиксировала недавний перелом в инвестиционной сфере: «За кулисами торгов опытный глаз, анализирующий клиентские портфели ценных бумаг, с

¹⁵ До 1997 г. котировки на американских биржах велись в дробных долях доллара с шагом в 1/8. Указаны биржевые коды компаний (PAK, BDLA) и изменение их цены за сессию: «3/4» означало рост на 75 центов, «1/2» – на 50 центов.

не меньшей вероятностью может оказаться женским. В мраморной строгости банковских залов, где еще пять лет назад невозможно было себе представить женщин-руководителей, сегодня они занимают там должности как нечто само собой разумеющееся – помощницы секретарей и кассиров, управляющие женскими отделами». Вслед за мужчинами, десятилетиями создававшими корпоративные сообщества, финансистки учредили собственные профессиональные объединения: Национальную ассоциацию женщин-банкиров и Женский облигационный клуб. Заговорили об «общественных переменах», вызревающих в стенах специальных кабинетов, и утверждали, что инвестиционный капитал женщин способен добиться большего, «чем все шумные суфражистские кампании» [13].

Но суровая реальность выглядела так: женщинам, управлявшим этими отделами, было некуда расти. Это и был их стеклянный потолок¹⁶ (хотя самого выражения еще не придумали), потому что «в мужские биржевые залы женщина, будь то клиентка или служащая, проникает крайне редко. Она может ходить по магазинам, голосовать, ездить в метро и работать в конторах бок о бок с мужчинами, но когда дело доходит до торговли акциями – сегрегация незыблема» [14]. Продавать акции женщинам, которые рвались вкладывать деньги в ценные бумаги, – это одно, совсем другое – позво-

¹⁶ Метафора невидимого барьера, мешающего женщинам и меньшинствам занимать высшие руководящие должности, несмотря на квалификацию.

лечь проводить операции на бирже им самим.

Нью-Йоркская фондовая биржа, переехавшая в 1903 году в свое нынешнее неоклассическое здание с колоннами на пересечении Брод-стрит и Уолл-стрит, по слухам, стала арендой примечательного инцидента: в 1927 году, незадолго до великого краха, одна женщина попыталась приобрести место на бирже. Совет управляющих, заглянув в устав, с удивлением обнаружил, что формально женщинам вход не запрещен. От кандидата требовались лишь «ответственность, репутация и гражданство» [15].

В октябре 1929 года фондовый рынок рухнул, увлекая за собой женские отделы и все, что они символизировали. Миллионы американцев вложили в биржевую игру все до последнего цента – и теперь полностью лишились сбережений. Страна ополчилась против Уолл-стрит. Разъяренные граждане переименовали банкиров в банкстеров [16], а Уолл-стрит сравнивали с Диким Западом. Федеральное правительство было вынуждено вмешаться, пообещав не допустить повторения катастрофы.

До этого момента банки Уолл-стрит совмещали две функции: коммерческую (прием вкладов и выдача кредитов) и инвестиционную (покупка, продажа и размещение ценных бумаг). Теперь подобная практика была признана конфликтом интересов, ставившим под угрозу сбережения простых вкладчиков, поскольку банки использовали их деньги для собственных инвестиций. В 1933 году Конгресс принял за-

кон Гласса – Стиголла [17], и банки оказались перед выбором модели деятельности: быть одновременно коммерческими и инвестиционными им отныне запрещалось. Легендарный J.P. Morgan, к примеру, остался в коммерческом секторе, а шестеро его партнеров отделились и основали самостоятельную инвестиционную структуру, впоследствии ставшую известной как Morgan Stanley. Законодательная реформа преследовала цель стабилизировать финансовую систему и провести границу между Уолл-стрит и Мейн-стрит¹⁷. Закон Гласса – Стиголла оставался в силе до 1999 года [18], хотя банки начали обходить его ограничения уже в 60-х.

Когда Соединенные Штаты вступили во Вторую мировую войну и мужчин призвали на фронт, женщины по всей стране заняли рабочие места, прежде принадлежавшие исключительно мужчинам, – в том числе и в зале Нью-Йоркской фондовой биржи. Восемнадцатилетняя Хелен Ханзелин из Куинса вошла в историю как «первая женщина, появившаяся в зале в часы торгов» [19] – если, конечно, не принимать

¹⁷ Метафора для обозначения малого и среднего бизнеса, локальных экономик и интересов рядовых граждан в противовес крупным финансовым институтам и корпорациям. Термин происходит от традиционного названия центральной коммерческой улицы в американских малых городах.

в расчет «девушку-музыканта из оркестра, игравшего на новогоднем вечере три года назад», как язвительно уточнила *The New York Times*. Ханзелин приступила к обязанностям телефонного клерка в фирме Merrill Lynch, Pierce, Fenner & Beane в 9:30 утра 28 апреля 1943 года – под «шквал улюлюканья, выкриков, свиста и насмешек» [20]. Пресса описывала ее как «стройную, уверенную в себе молодую особу с вздернутым носиком, карими глазами и вьющимися – но не слишком – волосами, не то каштановыми, не то темно-рыжими»; на следующий день ее фотография появилась почти во всех газетах. Месяц спустя в зал направили Хелен Ковальски – или «Хелен Вторую» [21], как ее тут же окрестили, – еще одну женщину, телефонного клерка из той же конторы.

12 июля, пять недель спустя, сама биржа наняла 36 женщин для работы в зале в качестве вспомогательного персонала. Это были посыльные (позже их назовут раннерами – низшая ступень биржевой иерархии: те, кто буквально бегом переносил сообщения и заявки – клочки бумаги – от брокеров к клеркам и обратно), репортёры (фиксирующие сделки на месте) и клерки (принимавшие звонки в кабинках биржевых брокеров и регистрировавшие заявки). Для сотрудниц сшили специальную форму из камвольной шерсти: блузу «французского голубого» [22] цвета с вышитой на левом кармане аббревиатурой NYSE и ярко-синюю юбку.

На мгновение возникла иллюзия прорыва: к концу войны в зале работали 66 женщин. Но Люси Гринбаум, одна из

немногих корреспонденток *The New York Times*, оптимизма не разделяла. Ее саму приняли в редакцию в 1940 году, но преимущественно поручали вести светскую хронику, и когда в мае 1945-го она писала о вынужденном исходе женщин с биржи, эта тема, несомненно, была для нее лично болезненной. Гринбаум подчеркивала, что Уолл-стрит принципиально отличается от других отраслей, где женщины сумели превратить рабочие места военного времени в «плацдармы для послевоенной карьеры». «Клепальщицы Розы» Уолл-стрит столкнулись с упорным мужским сопротивлением и неискоренимой убежденностью, что «женщины могут распоряжаться деньгами дома, если мужа не против, но от святая святых должны держаться на расстоянии хотя бы броска серебряного доллара» [23]. Наиболее ярко это разочарование выразила юная посыльная, которая, по словам Гринбаум, не выдержала и, сорвавшись, бросила мужчинам в зале: «Вы все живете во временах Баттонвудского платана! На дворе 1945 год». Журналистка добавила: «Рынок не спешил бурно реагировать на это известие» [24].

Возмущенные слова молодой посыльной [25] так и остались гласом вопиющего в пустыне, хотя некоторые из работавших в зале женщин не сдались и предприняли последнюю попытку – обратились к профсоюзам. Те вели долгие, но безуспешные переговоры с биржевой администрацией. Война завершилась – и женщин строем вернули в секретарский пул, изъяв у них форменную одежду с биржевой сим-

воликой. Они снова покупали рабочую одежду в филиале сети Anson-Jones на Уолл-стрит, где любой костюм [26] стоил 29 долларов 95 центов. Они снова стали потребительницами, а не созидательницами – или, как метко сформулировал один газетный очерк, «мужчины делают на Уолл-стрит большие деньги, а работающие на них женщины тратят там целое состояние» [27].

Джон Уонамейкер, владелец легендарного нью-йоркского универмага Wanamaker's на Бродвее, 150, мог сверять часы по потоку своих покупательниц. В обеденный перерыв «первая волна затопляет магазин» [28], а вторая накатывает вскоре после часа дня: женщины бросаются на поиски «серебряного блюдечка для арахиса на офисную вечеринку, коктейльного платья, купальной шапочки, игрушечного леопарда в крапинку или пары туфель большого размера». По выходным, когда Уолл-стрит замирала, Wanamaker's даже не утруждал себя поднимать жалюзи.

Как резюмировала Гринбаум: «Уолл-стрит всегда оставалась мужским пространством, и даже нехватка рабочих рук не смогла поколебать ее решимости сохранить этот статус» [29]. Уолл-стрит и не пыталась скрыть подобное отношение. Оказавшись в лифте [30] с женщиной, мужчина и не думал соблюдать приличия. Элементарные знаки внимания, принятые в ту эпоху, проявляли только к северу от Канал-стрит. Южнее же господствовал мужской мир – хвастливый и не терпящий возражений.

Но деньги для инвестиций у женщин никуда не исчезли. В 1947 году на ежегодном собрании акционеров корпорации United States Steel Уилма Портер Сосс – акционер и консультант по связям с общественностью, дорожившая прозвищем «экономическая суффражистка» [31] больше, чем титулами «Корпоративная совесть» и «Самая обсуждаемая женщина Уолл-стрит», – объявила о создании Федерации женщин-акционеров американского бизнеса [32]. Цель организации – заставить компании признать масштаб и влияние женского капитала: ведь более половины акционеров «Большой стали»¹⁸ составляли именно женщины.

Два года спустя Сосс снова появилась на заседании – на этот раз в «наряде конца викторианской эпохи: сером костюме-двойке, кружевной блузе и огромной пурпурной шляпе» [33]. Прессе она пояснила: «Этот наряд символизирует уровень мышления руководства в вопросах отношений с акционерами». В 1960 году она пришла на собрание акционеров CBS с ведром и шваброй, демонстрируя готовность «вычистить» скандалы с фальсификацией телевикторин¹⁹ в кор-

¹⁸ Прозвище корпорации United States Steel (U.S. Steel).

¹⁹ В середине 1950-х годов викторины с крупными денежными призами (на-

порации. Миссия Сосс заключалась в том, чтобы сплотить акционеров, прежде всего женщин, и донести до них простую мысль: они совладельцы предприятий, в которые вложили средства, а значит, у них есть право голоса – и с этим голосом придется считаться.

Уилма Сосс понимала, что статистика на ее стороне, и время акционерского движения настало. Отчеты Нью-Йоркской фондовой биржи начала и середины 1950-х годов фиксировали «значительное и растущее общественное участие на рынке» [34]. В газетной статье о новых послевоенных инвесторах среди прочих фигурировала «пепельная блондинка, дизайнер интерьеров, с экземпляром *The Wall Street Journal*, крепко зажатым под мышкой» [35]. Она только вступила на фондовый рынок и признавалась, что ничего не смыслит в трейдинге, но, вложив пять тысяч долларов, была готова рискнуть. Другая – «пухленькая жизнерадостная женщина в жемчужном чокере» – когда-то владела магазином одежды в Майами, а теперь жила на ренту от ценных бумаг: портфель в 200 000 долларов приносил ей до 40 000 прибыли в удачный год и 10 000 убытка в неудачный. Третья участница, «стройная брюнетка с волосами медового оттенка, словно сошедшая со страниц *Vogue*», резонно замечала, что акции вроде General Motors – одной из компаний «модной по-

пример, *The \$64,000 Question*, *Twenty-One*, *Dotto*) были самыми рейтинговыми программами на многих телеканалах. Однако в 1958–1959 годах выяснилось, что результаты этих шоу заранее определялись продюсерами.

лусотни» – напрямую зависят от общего состояния экономики, а значит, обесценятся лишь в случае системного кризиса.

К 1958 году доля женщин среди акционеров достигла внушительных 52% (против 35% шестью годами ранее). Их совокупные вложения в ценные бумаги превышали 100 млрд долларов. Как и в 1920-е годы, эти цифры стимулировали биржи нанимать специальных консультантов – так называемых «клиентских дам» [36] (по аналогии с зарегистрированными брокерами-мужчинами), и в их числе были несколько чернокожих женщин. Их задача заключалась в том, чтобы «объяснять новоиспеченным пайщицам, почему нельзя купить доли самого Dow Jones и почему владение “обыкновенными” (непривилегированными) акциями не несет в себе ничего вульгарного или неженственного». Миссис Лилла «Лилли» Сент-Джон, первая афроамериканка, сдавшая лицензионный экзамен Нью-Йоркской фондовой биржи, стала зарегистрированным брокером в 1953 году. О ней известно немного [37]: до переезда в Нью-Йорк и работы в Oppenheimer (куда в 1969 году Лилла придет работать к арбитражнице Элис Ярхо) она вела в Милуоки собственное музыкальное телешоу на местной станции. Готовясь к экзамену, она «зубрила» [38] материал два месяца: Лилла решила сменить профессию, потому что нашла инвестирование «невероятно увлекательным».

В 1957 году Special Markets [39] – первая брокерская фирма, основанная чернокожими предпринимателями – вве-

ла традицию «Женского дня на Уолл-стрит». Вильгельмина Дрейк, курировавшая работу с женщинами, составила программу: экскурсия на Нью-Йоркскую фондовую биржу, обед в ресторане Antlers и лекция об инвестировании в паевые фонды. Мероприятие предназначалось для ключевых гостей – студенток-афроамериканок из сообщества Alpha Kappa Alpha.

Нью-Йоркская фондовая биржа также активно привлекала женщин-инвесторов, размещая рекламу [40] в журналах *The Saturday Evening Post*, *Collier's*, *Look* и других изданиях. В 1962 году NYSE заказала собственный фильм, призванный разъяснить представительницам прекрасного пола основы работы Уолл-стрит. Премьера ленты «Леди и фондовая биржа» состоялась прямо в торговом зале, на один вечер превращенном в кинотеатр, а затем фильм отправился в турне по стране [41]: в Сент-Луисе брокерские фирмы организовали трехдневное мероприятие с приемом и показом в местном универмаге; в Рочестере провели бесплатные сеансы в торговом центре; во многих городах картину транслировали по местным телеканалам.

В этой тридцатиминутной картине роль миссис Мардж Джонс – хорошенькой, умной и заботливой домохозяйки из пригорода – сыграла актриса Дженет Блэр (известная по роли подруги Риты Хейворт в фильме 1945 года «Сегодня вечером и каждый вечер»), а роль непутевого супруга – комик Эдди Брэкен. Мистер Джонс гонится за схемами быстрого

обогащения, игнорируя потребности сына-подростка, и тогда Мардж тайком отправляется в Нью-Йорк – на консультацию в брокерскую фирму Brown, Smith & Co. на Уолл-стрит.

В распоряжении супругов есть 4500 долларов – неожиданное наследство. Мистер Хантли, терпеливый и предупредительный брокер из Brown, Smith, предлагает Мардж «надежную инвестиционную программу». Мардж уносит домой брошюры и аналитические отчеты, внимательно их изучает и в конце концов выбирает две рекомендованные бумаги, после чего возвращается в Нью-Йорк для размещения заявки. Мистер Хантли как раз собирается посетить биржу и предлагает ей экскурсию. Вместе они поднимаются на гостевую галерею, и Мардж, перегнувшись через перила, наблюдает за толпой мужчин в деловых костюмах, снующих по торговому залу. (Сцены снимались в часы реальных торгов, а для эпизодов на балконе в голливудской студии изготовили специальную копию.)

Мистер Хантли поясняет механику сделок: еще в офисе он передал заявку Мардж на покупку двух бумаг в отдел заказов, откуда та по выделенной линии ушла в кабину их фирмы на бирже. На глазах у Мардж телефонный клерк снимает трубку, фиксирует заявку на бланке, а затем нажимает кнопку – и на большой металлической доске в зале загорается номерной знак брокера. Этот сигнал означает, что маклер должен либо вернуться в кабину, либо отправить посыльного за заявкой.

С бланком в руках биржевой брокер направляется к нужной стойке, имеющей форму двойной подковы, – так называемому посту специалиста, где торгуются именно те акции, которые выбрала Мардж. Ей нужно купить, но теперь брокеру предстоит найти продавца по наилучшей доступной цене. Сначала он анализирует текущие заявки, а затем определяет оптимальный уровень. Именно здесь и проявляется мастерство брокера: если спрос на акции превышает предложение, котировки растут, и наоборот.

Специалист на своем посту обязан поддерживать «открытый и справедливый» рынок по закрепленным за ним ценным бумагам. Это означает следующее: если продавец требует 600 долларов за акцию, а покупатель готов дать лишь 400, то сделка срывается и торги останавливаются. Для сокращения этого разрыва маклеры вкладывают собственный капитал; постоянно отслеживая баланс спроса и предложения, они выполняют на бирже роль стабилизаторов. Брокер, представляющий интересы Мардж, и брокер продавца ведут торги, и их соглашение скрепляет не рукопожатие и уж тем более не бумажный контракт – «достаточно слова» [42], поясняет мистер Хантли. NYSE требует лишь одного: чтобы это слово было произнесено «громко и внятно».

Сделка закрыта. Данные – биржевой символ, количество акций, цена, номерные знаки покупателя и продавца – фиксируются и по пневматической трубе отправляются в тикерный зал. Через несколько минут, объясняет мистер Хантли,

информация о сделке появится на телеграфных лентах в тысячах брокерских контор по всей стране. Иными словами, операция не только полностью прозрачна, но и открывает миссис Джонс дверь в мир финансов, огромный и захватывающий. Отныне она – официальная совладелица компаний, чьи акции только что купила: будет получать их годовые отчеты и доверенности для голосования по корпоративным вопросам. «Биржа настаивает на том, чтобы вы получили право голоса и всю информацию, необходимую для принятия решений» [43], – говорит он. Посыл фильма очевиден: на Уолл-стрит капитализм и демократия идут рука об руку. Или, как сказала бы Уилма Сосс, во владении акциями заключена сила – и ей пора высвободиться.

Однако инвестиционная «сила» женщин не распространилась на право работать брокерами в торговом зале. Когда в 1958 году два корреспондента *The New York Times* поинтересовались, почему среди членов биржи нет ни одной женщины – при том, что формально им вход не запрещен, – официальный ответ NYSE гласил: «Ни одна женщина никогда не изъявляла серьезного желания стать членом биржи» [44]. Неофициально же «один обитатель Уолл-стрит» признался: «Дело не в запрете. Им просто не разрешают». Экономист Сильвия Портер, писавшая колонки для различных изданий, и ее либеральная единомышленница Уилма Сосс заявляли в *New York Post*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.